

М. В. Хоружая

Исследования Верхне-Салтовского археологического комплекса: проблемы и перспективы

од Верхне-Салтовским археологическим комплексом ученые салтоведы в настоящее время подразумевают городище с остатками земляных и каменных оборонительных сооружений у с. Верхний Салтов, обширный катакомбный могильник, расположенный к северу и северо-западу по склонам яров, одновременные городищу селища, расположенные на высоком правом берегу Северского Донца (сейчас Печенежского водохранилища) (рис. 1). Территориально к комплексу тяготеет и Нетайловский грунтовой могильник, расположенный напротив Верхне-Салтовского городища на левом берегу Северского Донца. История исследования этого памятника в целом и отдельных его составляющих с момента его открытия в начале XX в. местным учителем В. А. Бабенко и по настоящее время была неоднократно изложена в целом ряде специальных исследований. Из последних публикаций можно назвать статью Г. Е. Свистуна, где изложена история раскопок городища и его оборонительных сооружений [1, с. 460, 462], а также работы В. С. Аксёнова и В. В. Колоды [2, с. 231; 3, с. 21–31]. Это позволяет нам не затрагивать данный вопрос в своей работе.

Несмотря на более чем столетнюю историю изучения, с Верхним Салтовом, давшим половину названия салтово-маяцкой культуре, связана целая группа нерешенных вопросов. Как правильно отметила С. А. Плетнева, что из-за необработанности громадного и разнообразного материала, полученного при изучении Верхне-Салтовского археологического комплекса, памятник так и не стал эталонным, а вопросы его хронологии, этнического определения, сложнейшие социально-экономические проблемы фактически остаются не только не решенными, но и не поднятыми [4, с. 29]. Таким образом, С. А. Плетнева очертила круг основных проблем, связанных с Верхне-Салтовским археологическим комплексом. Нам только остается лишь конкретизировать современное состояние проблем, связанных с изучением этого памятника, которые можно поставить и решить, базируясь на доступном в настоящее время материале.

Наиболее остро стоит вопрос назначения Верхне-Салтовского городища и его места в системе салтовских городищ лесостепного варианта салтовской археологической культуры, хотя почти все исследователи, которые занимались изучением памятника, в той или иной степени уделяли внимание данному вопросу. При этом, учеными в качестве определяющих признаков рассматривались: топографические условия его расположения, система оборонительных сооружений, строительные приемы и ряд других факторов.

М. И. Артамонов был первым, кто попытался социально интерпретировать известные на тот момент салтовские крепости Подонья. Он объединил Верхний Салтов в одну группу с Правобережным Цимлянским и Маяцким городищами. Исследователь

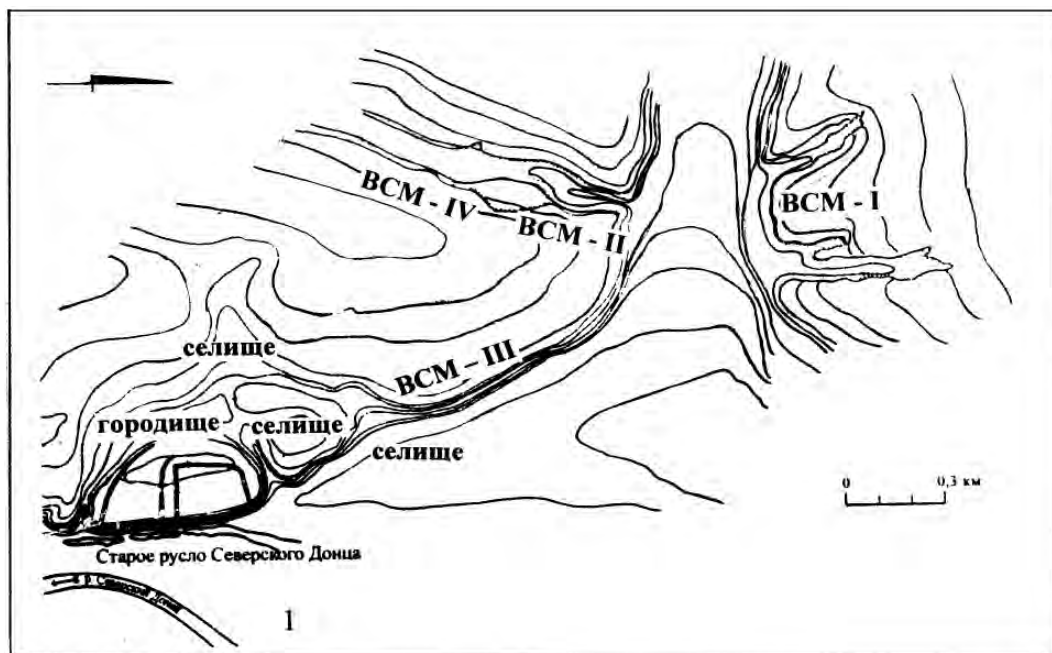

Рис. 1. План городища Верхний Салтов с прилегающей местностью
 Fig. 1. The plan of the Verkhniy Saltiv settlement with the adjoining territory

полагал, что данные памятники из-за незначительной их площади не могли быть общинными убежищами для окрестного населения, а отсутствие сплошной застройки внутри крепостных стен указывает на то, что это были, скорее всего, замки или владетельные дворы, внутри которых находились жилища и службы владетеля, его слуг и дружины [5, с. 158].

И. И. Ляпушкин первым предложил типологическую градацию салтовских городищ Северского Донца и Дона. Он отнес Верхний Салтов к первому типу городищ — со стенами из камня или самана. Характерными чертами городищ первого типа, по мнению исследователя, являются: размещение на мысах, высоких коренных берегах рек, крутые склоны которых являются хорошей природной защитой; по периметру городищ проходили мощные стены, а со стороны поля к стенам примыкал ров; в плане они имеют форму трапеции, что обуславливалось конфигурацией площадок мысов, на которых они размещались; в непосредственной близости к ним находились крупные неукрепленные поселки (селища) [6, с. 91, 93]. Относительно назначения городищ первого типа, в том числе и Верхнего Салтова, И. И. Ляпушкин согласился с мнением М. И. Артамонова, который высказал предположение, что эти крепости были центрами формирующихся феодальных образований, и каждая из них господствовала не только над тем населением, которое жило непосредственно возле ее стен, но и над жителями неукрепленных поселков, расположенных в непосредственной близости от крепости [5, с. 159; 6, с. 137].

В своей работе 1960 г. С. А. Плетнева отнесла городище в Верхнем Салтове по степени защищенности и по характеру использования к первому типу, для которых характерно наличие одного или двух рядов каменных укреплений и валов, а также присутствие на территории памятника культурного слоя [7, с. 3–20]. В последующей работе «От кочевий к городам» исследовательница предложила новую типологию салтовских городищ, которая отражала, по ее мнению, общегосударственные

И
Л
Т
С

и социальные процессы феодализации салтовского общества. Все городища С. А. Плетнева разделила на три вида: первый — поселения с земляными укреплениями, второй — каменные замки и третий — города [8, с. 22–50]. Городище у с. Верхний Салтов исследовательница отнесла ко второму виду и интерпретировала его как племенной центр. По мнению С. А. Плетневой, все белокаменные замки Подонья (в том числе и Верхний Салтов) были крупными феодальными гнездами и были сооружены с двоякой целью: для контроля над водными путями и для господства над местным населением [8, с. 43].

Г. Е. Афанасьев, посвятив отдельный раздел своей монографии «Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв.» вопросам организации обороны салтовских земель и фортификации лесостепных городищ, разделил известные ему памятники на четыре типа. Верхне-Салтовское городище исследователь отнес к четвертому типу — городищ с наиболее совершенной системой оборонительных сооружений, отличающихся четкой геометрической формой укреплений, строительными приемами и использованием в качестве основного строительного материала камня или кирпича [9, с. 114]. При этом ученый считал, что природные факторы — расположение городищ этого типа на высоких коренных берегах рек — в организации обороны играли второстепенную роль. Отличительной особенностью городищ четвертого типа, по Г. Э. Афанасьеву, является и тенденция к использованию площади крепостей для застройки [9, с. 138]. Проанализировав все имеющиеся у него данные, исследователь предположил, что Верхне-Салтовское городище было построено, «прежде всего, для обороны района, а не для защиты отдельного жилья» [9, с. 139]. А это позволяет считать городище у с. Верхний Салтов феодальным замком [9, с. 140]. Г. Е. Афанасьев считает, что Верхний Салтов, как и другие городища четвертого типа, представляли собой первоначально оборонные пункты Хазарского каганата, построенные при участии византийских мастеров на границе со славянскими землями, а уже потом они превратились в замки выдающейся феодальной знати [9, с. 142]. При этом исследователь высказал мысль, что создание в салтовский период защитной линии из городищ четвертого типа ставило своей целью защиту северных и северо-западных районов Хазарского каганата от экспансии славянских племен (рис. 2) [10, с. 148]. Мнение Г. Е. Афанасьева, что «Верхне-Салтовский комплекс является столицей Салтовской земли» [10, с. 50].

Однако существуют и другие точки зрения. Так, харьковский археолог Г. Е. Свистун, исследующий салтовские лесостепные городища и проводивший самостоятельные исследования на Верхне-Салтовском памятнике, пришел к выводу, что городище у с. Верхний Салтов имеет черты как третьего, так и четвертого типов, по типологии Г. Е. Афанасьева. Особенности же вспомогательной линии обороны сближают Верхний Салтов с городищами второго типа (по Г. Е. Афанасьеву), что характерно и для других лесостепных салтовских городищ бассейна Северского Донца [1, с. 477]. Таким образом, Г. Е. Свистун, используя типологию салтовских лесостепных городищ Г. Е. Афанасьева, относит городище у с. Верхний Салтов к рядовому салтовскому укрепленному пункту Подонья. Места расположения лесостепных салтовских городищ, в том числе и Верхне-Салтовского, вблизи древних переправ на высоких правых берегах рек, по мнению исследователя, однозначно указывают на их военно-стратегическое значение [11, с. 70]. Г. Е. Свистун считает, что цепочка лесостепных городищ была создана салтовским населением для защиты экономически важного региона от военной угрозы, исходящей с восточного и юго-восточного направления (с территории Хазарского каганата) [11, с. 71]. Источниками такой военной угрозы для лесостепного салтовского населения исследователь видит как возможную внешнюю экспансию, так и недружелюбные действия со стороны верхушки хазарской власти в период внутрисалтовских конфликтов [11, с. 71; 12, с. 75].

В целом, в свете концепции, отстаиваемой С. А. Плетневой о развитии салтовского общества «от кочевой к городам», археологи довольно согласованно высказывались

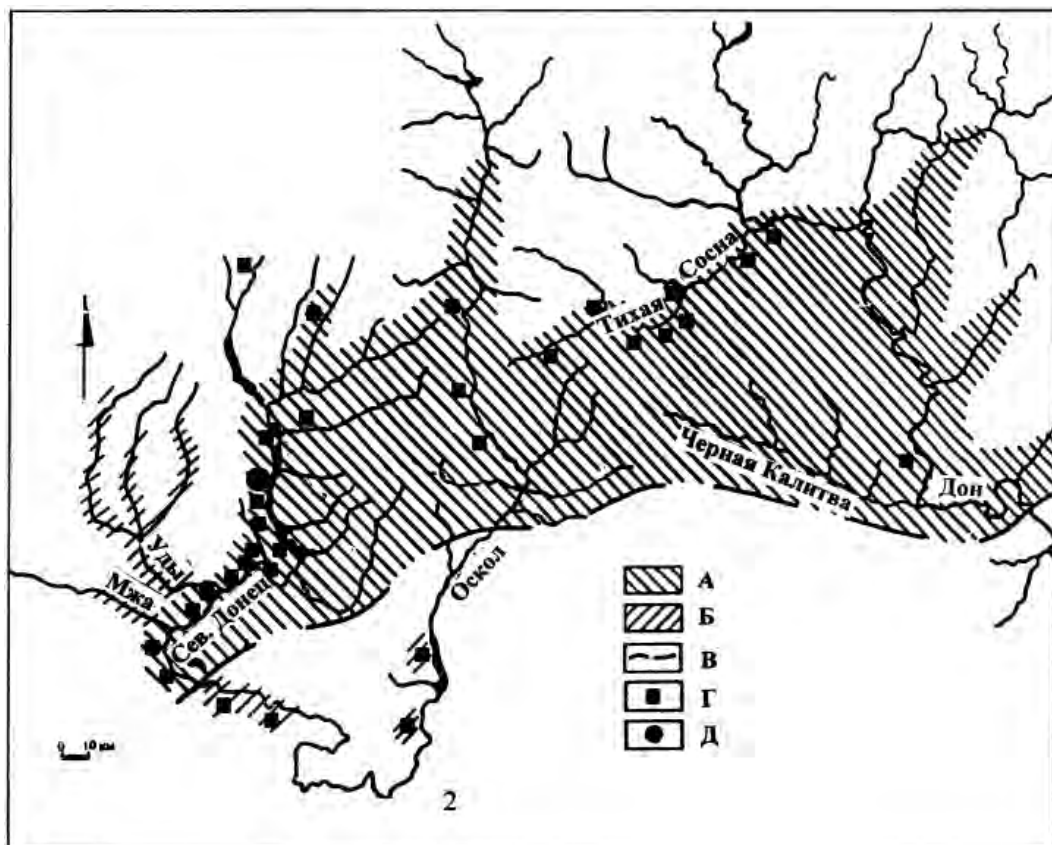

Рис. 2. Карта салтово-маяцких лесостепных городищ:

А — ареал памятников лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры (по Г. Е. Афанасьеву [9, с. 154, рис. 86]); Б — дополнительные территории лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры по скорректированным данным (по Г. Е. Свистуну [11, с. 134, рис. 1]); В — южная граница лесостепной зоны; Г — городища салтово-маяцкой культуры; Д — Верхне-Салтовский археологический комплекс

Fig. 2. The map of the Saltivo-Mayatskiy forest-steppe settlements:

А — the site area of the forest-steppe variation of the Saltivo-Mayatskaya culture (by G. Ye. Afanas'ev [9, с. 154, рис. 86]); Б — the additional territories of the forest-steppe variation of the Saltivo-Mayatskaya culture according to the adjusted data (by G. Ye. Svistun [11, с. 134, рис. 1]); В — the southern border of the forest-steppe zone; Г — the Saltivo-Mayatskaya culture settlements; Д — the Verkhniy Saltiv archaeological complex

о значении Верхне-Салтовского комплекса. Так, Д. Т. Березовец одним из первых написал о Верхнем Салтове, как о «городе» [13, с. 59; 14, с. 422]. То же самое повторила О. В. Пархоменко (Иченская) в обобщающем труде по археологии Украины: «в районе с. Верхний Салтов в VIII—X вв. существовал большой средневековый город, являвшийся, очевидно, крупным ремесленным, торговым и, возможно, административным центром» [15, с. 217]. Мнение киевских коллег поддержал и развил харьковский археолог А. В. Крыганов. Первоначально ученый видел в Верхне-Салтовском комплексе административно-торговый центр на северо-западной окраине Хазарии [16, с. 57]. Со временем исследователь написал о Верхне-Салтовском комплексе, исходя из общих размеров поселения и могильника, как о городе на северо-западных землях Хазарского каганата [17, с. 347–358], отождествив его с городом «Савгар — Сарада» [16, с. 57; 17, с. 351]. Такого же мнения придерживался и ведущий харьковский салтовед В. К. Михеев, который назвал Верхне-Салтовское городище городом Серате [18, с. 31]. Киевский исследователь О. В. Сухобоков, ссылаясь на работу Б. А. Рыбакова,

Σ
Δ
Г
Л
С

также отождествил Верхний Салтов с городом Сарад и видел в нем политико-экономический центр алано-булгаро-буртаской федерации [19, с. 163]. Российский исследователь М. В. Горелик, выдвинув версию, что у кабар после поражения в восстании на землях Среднего Подонья возникло самостоятельное политическое образование «Кабария—Угрия» [20, с. 180], и самым большим центром новой страны ученый считал комплекс у с. Верхний Салтов [21, с. 27].

Более осторожную позицию в этом вопросе заняла С. А. Плетнева, которая в своей работе, посвященной городам в Хазарии, писала о Верхнем Салтове, как об одном из вероятных городов на северо-западных землях каганата [22, с. 118].

Самым непримиримым противником считать Верхне-Салтовский комплекс и салтовским городом, и замком является на современный момент московский исследователь В. С. Флёров. В своей монографии «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность» В. С. Флёров считает, что Верхне-Салтовский комплекс с его маленькой крепостью, по имеющимся на сегодня данным, не может претендовать на особое место в системе аналогичных поселений бассейна Северского Донца, а тем более на определение «город» [23, с. 70]. По его мнению, степень изученности памятника не позволяет говорить о наличии в Верхнем Салтове ни «пригорода», ни «посада города», ни «посада крепости». В. С. Флёров относит данный археологический памятник просто к крупному салтовскому поселению в верхнем течении Северского Донца. При этом исследователь не объясняет тот факт, что в окрестностях этого рядового, хотя и крупного, поселения располагаются самые большие по площади, из известных на сегодня, катакомбный и грунтовой могильники. На катакомбном некрополе исследовано около 1000 погребальных комплексов, а на грунтовом — 508 погребений, и работы на обоих некрополях еще продолжают. В. С. Флёров очень критически относится к существованию в Хазарском каганате «городов» и «замков», что видно уже из самого названия монографии. Анализ опубликованных материалов по Верхнему Салтову привел В. С. Флёрова к выводу, что вопрос о статусе Верхне-Салтовского комплекса и его месте в цепочке салтовских городищ Северского Донца может быть решен только после полного исследования поселения, комплексной обработки и издания материалов Верхнего Салтова и Нетайловского памятника [23, с. 70]. На это, по мнению исследователя, уйдет несколько десятков лет.

Суммируя точки зрения исследователей на положение Верхне-Салтовского комплекса в Хазарском каганате, следует выделить следующие точки зрения на Верхний Салтов, как на: 1) феодальный или владетельный замок, выросший из первоначального опорного пункта на границе Хазарии со славянским населением (М. И. Артамонов, И. И. Ляпушкин, Г. Е. Афанасьев); 2) город — племенной или военно-административный центр Северо-Западной Хазарии (Д. Т. Березовец, О. В. Пархоменко, В. К. Михеев, О. В. Сухобоков, А. В. Крыганов, С. А. Плетнева); 3) рядовой контрольный пункт в месте переправы через р. Северский Донец (Г. Е. Свистун); 4) не «город» и не «замок» — статус памятника может быть определен только после дальнейших широкомасштабных исследований (В. С. Флёров).

При этом в литературе присутствуют два основных взгляда, против кого была построена цепочка лесостепных салтовских крепостей в верхнем Подонье: 1) против славянской экспансии с севера и северо-запада в лице в носителей роменской и боршевской археологических культур; 2) против угрозы, исходящей с восточного и юго-восточного направления, т. е. с основной территории Хазарского каганата. Первый взгляд на эту проблему наиболее полно представлен в работах Г. Е. Афанасьева и С. А. Плетневой [9, с. 140–142; 10, с. 148–150; 24, с. 282–283]. Близкую позицию по этому вопросу занимает ряд исследователей, которые считают, что сеть лесостепных салтовских городищ была возведена против единственного противника хазар на Донском торговом пути — руссов [25, с. 31]. Вторая точка зрения опирается на гипотезу Д. Т. Березовца, отождествившего аланское население лесостепного варианта салтовской

культуры с летописными «русами» [13, с. 69]. Гипотеза Д. Т. Березовца получила свое развитие в работах историков Е. С. Галкиной, А. Г. Кузьмина, белгородского краеведа А. Г. Николаенко, которые аланское население Северского Донца, Оскола и Среднего Дона считают создателями Русского каганата (Донской Руси), который во второй половине VIII — начале IX вв. противостоял Хазарии и погиб в борьбе с последним в 30-х годах IX века [26; 27; 28]. Противостояние Хазарии и Русского каганата (Донской Руси) и обусловило, по мнению Е. С. Галкиной, постройку последним цепочки крепостей на правых высоких берегах Северского Донца, Оскола и Среднего Дона [27, с. 191–204].

Таким образом, можно констатировать, что на сегодняшний момент нет единого мнения относительно вопроса статуса и назначения Верхне-Салтовского археологического комплекса, как составной части цепочки лесостепных городищ салтовской культуры. В целом, с памятником у с. Верхний Салтов связан целый ряд нерешенных вопросов. В качестве наиболее важных вопросов можно назвать:

- 1) время возникновения городища;
- 2) этнический состав населения, проживавшего внутри крепости и за ее стенами;
- 3) характер взаимоотношений носителей катакомбного погребального обряда и населения, оставившего грунтовой Нетайловский могильник;
- 4) время прекращения существования городища и причины, к этому приведшие;
- 5) судьба населения после прекращения существования городища.

Решение этих вопросов, как правильно заметил В. С. Флёрв, возможно только при наличии надежной информации, которую могут дать только дальнейшие исследования памятника [23, с. 10]. Сложность в получении новой информации по памятнику заключается в том, что территория собственно крепости, как и расположенного рядом селища, оказалась уже застроенной частными домовладениями или отданной под застройку коттеджей. Нетайловское поселение, расположенное напротив Верхне-Салтовского городища на левом берегу Печенежского водохранилища, оказалось частично затопленным его водами, частично уничтожено несанкционированным карьером по добыче песка. Поэтому решить указанные вопросы можно попытаться через анализ материалов Верхне-Салтовского катакомбного могильника и Нетайловского грунтового некрополя. Работы по исследованию данных памятников на протяжении ряда лет ведутся харьковскими археологами.

На сегодняшний момент к северу от Верхне-Салтовского городища известно четыре катакомбных могильника (ВСМ-I, ВСМ-II, ВСМ-III, ВСМ-IV). Недавние исследования показали, что следует говорить, по-видимому, не о четырех могильниках, а о трех участках одного огромного могильника, ибо второй могильник, открытый еще В. А. Бабенко, и четвертый некрополь, открытый в 1989 г. В. Г. Бородулиным, являются одним участком, расположенным на восточных склонах Нетечинского яра [29, с. 26]. Харьковскими археологами за последние десятилетия были исследованы 76 погребальных комплексов на ВСМ-I (раскопки В. Г. Бородулина), 32 катакомбы — на ВСМ-III (раскопки В. Г. Бородулина) и 110 погребальных комплекса — на ВСМ-IV (раскопки В. Г. Бородулина, В. В. Колоды, В. С. Аксёнова). На Нетайловском могильнике на сегодняшний день с учетом захоронений, раскопанных экспедицией под руководством Д. Т. Березовца, исследовано 508 погребений (раскопки А. В. Крыганова, В. К. Михеева, А. В. Комара, В. С. Аксёнова). Значительный объем имеющихся материалов позволяет подойти к решению намеченных выше вопросов.

Наиболее остро стоит вопрос хронологии памятника. Незавершенность внутренней хронологии салтовских древностей не позволяет пока определить время возникновения и хронологические рамки существования разных участков катакомбного могильника. Наличие нескольких участков, разделенных между собой свободным пространством и ярами, позволяет предположить или их разновременное использование, или их принадлежность к разным родоплеменным группам населения Верхне-Салтовского

комплекса. Попытку датировать отдельные участки ВСМ-I на основе монетных находок, предпринятую О. В. Иченской [30, с. 144–146, рис. 2], нельзя признать успешной. Исследовательница, предложив датировку разных участков главного могильника, так и не указала, какие погребальные комплексы являются хронологически более ранними, а какие можно отнести к концу существования некрополя. На современный момент ни один погребальный комплекс Верхнего Салтова достоверно не может быть датирован первой половиной X века. Не выделены и комплексы, которые могут быть датированы второй половиной VIII в., хотя катакомбы этого хронологического отрезка представлены на расположенных рядом с Верхним Салтовом Старосалтовском и Рубежанском катакомбных могильниках [31, с. 137–149; 32, с. 62–78]. Пока же работа с материалами Верхне-Салтовского III могильника позволяет предположить, что данный участок некрополя является наиболее ранним. Ибо здесь присутствуют единичные погребальные комплексы, которые могут быть датированы серединой — второй половиной VIII в. [33]. Более хорошо комплексы раннесалтовского горизонта Столбище — Старокорсунская (740–780 гг. н. э.) представлены в материалах Нетайловского могильника [34, с. 166–177]. Это позволяет предположить, что район современного Верхнего Салтова был, вероятно, первоначально освоен представителями этноса, погребавших своих умерших в простых грунтовых ямах с ориентировкой головой в восточном секторе, а уже потом, спустя какое-то непродолжительное время, здесь появились носители катакомбного обряда.

Конечная дата существования памятника вообще не определена, как и судьба его населения. Большинство исследователей связывают прекращение существования Верхне-Салтовского археологического комплекса с гибелью Хазарского каганата в результате походов князя Святослава. Однако в материалах городища и поселения отсутствуют какие-либо следы гибели памятника в результате военных катаклизмов. А в материалах могильников (катакомбного и грунтового) отсутствуют комплексы, которые можно уверенно датировать рамками начала — первой половины X века. Выделение из общей массы уже раскопанных захоронений или обнаружение новых, но наиболее поздних по времени, погребальных комплексов, позволит подойти к решению вопроса о времени прекращения существования комплекса.

Не менее актуален вопрос этнического состава населения, проживавшего на Верхне-Салтовском городище. Так, катакомбы Верхнего Салтова не являются однотипными погребальными сооружениями, как это имеет место на других катакомбных могильниках Подонья (Дмитриевском, Маяцком и др.). Среди катакомб встречаются погребальные сооружения как с поперечным расположением камеры относительно дромоса (так называемое Т-образное расположение), так и с продольным, когда длинная ось камеры является продолжением длинной оси дромоса. Присутствие на одном могильнике разных типов катакомб, что отражается на размещении покойников в камерах — головой влево от входа в Т-образных или ногами ко входу — в продольных, позволяет поставить вопрос: являются ли эти различия этническими (в рамках одного аланского этноса), социальными или хронологическими. Попытки в этом направлении уже нами предпринимались [35, с. 154–156], однако вопрос еще далек от своего решения.

Нет единого мнения и об этнической принадлежности Нетайловского грунтового некрополя. На сегодня относительно этнической интерпретации могильника существует две основные точки зрения. Первая была высказана О. В. Иченской, которая, проанализировав материалы исследования могильника в 1959–1961 гг. экспедицией Д. Т. Березовца, пришла к выводу, что могильник оставлен проболгарским этническим компонентом салтовской культуры [36, с. 94–96]. Вторую точку зрения отстаивает А. В. Комар, который считает Нетайловский могильник нетипичным для болгар, восточная ориентировка погребений которого должна быть сравнима, по мнению исследователя, с погребениями из Столбища и кургана 7 Петрунино IV [37, с. 60]. Таким образом, данное население в этническом плане должно быть близко к собственным хазарам, с которыми в Подонцовье А. В. Комар связывает кремаци-

онные салтовские погребения (Тополы, Кочеток, Новая Покровка, Красная Горка, Сухая Гомольша [38, с. 213].

Работы последних лет на могильниках Верхнего Салтова показали, что этническая структура населения археологического комплекса была достаточно пестрой. Здесь, помимо представителей аланского и тюрко-болгарского этносов, проживали представители и других народов. Так в ряде погребений Нетайловского могильника и в катакомбах Верхнего Салтова были обнаружены личные металлические украшения, которые позволяют утверждать, что их носители пришли в район Верхнего Салтова с территории Среднего Поволжья (меря, мурома) [39, с. 46–47]. Еще одним районом, откуда пришла часть нетайловцев, было Северо-Восточное Предкавказье — современная Чечня, Ингушетия и Дагестан [40, с. 71], что позволяет отождествить их с представителями местных северо-кавказских народов, находившихся в политической зависимости от хазар. Материалы катакомбных захоронений свидетельствуют о присутствии в аланской среде Верхнего Салтова представителей славян. Примером тому может служить факт обнаружения в катакомбе № 93 ВСМ-IV захоронения вместе с аланским мужчиной женщины-славянки, представительницы восточных кривичей или вятичей [41, с. 254–255]. Все это показывает, что население Верхнего Салтова было полиэтничным.

Параллельно с решением выше затронутых основных вопросов материалы некрополей комплекса могут пролить свет на конфессиональные проблемы в каганате и вопросы социальной стратификации салтовского общества. Так, интересным является вопрос распространения среди верхнесалтовского населения христианства. При общем языческом характере катакомбного погребального обряда известны случаи обнаружения в инвентаре некоторых захоронений крестовидных подвесок, которые в некоторых случаях могут трактоваться как христианские символы веры — катакомба № 15 ВСМ-III, № 30, 85 ВСМ-IV [42, с. 140, рис. 3–5; 43, с. 204, рис. 1: 16, 17, 19]. Особенно показательным является факт обнаружения нательного крестика крымского типа в районе шеи ребенка, погребенного вместе с мужчиной-воином (катакомба № 99 ВСМ-IV) [44, с. 361, рис. 2: 12]. Подобные находки для памятников лесостепного варианта салтовской культуры не известны. Возможно, с распространением христианства среди населения Верхнего Салтова и следует объяснять факт захоронения женщин в катакомбах комплекса в вытянутом положении на спине, а не в скорченном положении на боку, как это имеет место на других катакомбных некрополях региона [10, с. 24, 49; 24, с. 189; 45, с. 25].

На особое значение Верхнего Салтова в системе обороны региона указывает факт обнаружения в катакомбных захоронениях памятника семи (с учетом дореволюционных находок) комплектов конского снаряжения с конским начальником [41, рис. 5; 46, табл. XXII: 91; 47, с. 245–260]. По мнению Г. Е. Афанасьева, конские начальники выступают одним из основных маркеров высокого места мужчины в воинской организации алан верхнего Подонья и помещались они только в захоронениях представителей воинской верхушки общества — командиров небольших воинских отрядов (сотников) [10, с. 26–29; 48, с. 140]. Еще одно захоронение мужчины-воина в сопровождении коня и набора сбруи с конским начальником было открыто на Нетайловском могильнике (№ 482) [49, с. 33, рис. 2: 1]. Для сравнения, на Дмитриевском катакомбном могильнике конские начальники были найдены всего в двух захоронениях [24, рис. 41, 42]. Такая существенная разница в количестве погребенных на двух разных памятниках региона (Верхне-Салтовском и Дмитриевском) представителей воинской верхушки аланского общества, может быть объяснена только разным военно-политическим значением этих археологических комплексов. Концентрация на одном памятнике большого количества погребальных комплексов представителей воинской верхушки аланского общества, вероятно, следует рассматривать, как факт более высокого военно-политического статуса Верхнего Салтова по сравнению с другими городищами лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры.

Таким образом, анализ материалов могильников, расположенных рядом с городищем Верхний Салтов — и катакомбного, и Нетайловского грунтового, позволит, как мне представляется, решить в полной мере вопрос роли и значения данного памятника в системе древностей лесостепного варианта салтовской культуры, времени его существования, этническом составе его населения и об его дальнейшей судьбе. Решение этих вопросов позволит более полно и верно представить роль лесостепных районов Подонья как в становлении Хазарского каганата, так и в вопросе прекращения существования данного раннегосударственного объединения.

Ключевые слова: Верхне-Салтовское городище, салтово-маяцкая культура, бассейн Северского Донца, аланы, тюрко-болгары.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Свистун Г. Е.* Фортификация городища Верхний Салтов // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. — Донецк, 2009. — Т. 7.
2. *Аксенов В. С.* Исследование раннесредневековых захоронений близ села Металловка в 2006 году (Нетайловский грунтовой могильник) // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. — Донецк, 2009. — Т. 7.
3. *Колода В. В.* Салтовская культура на Харьковщине: очередной юбилей (итоги и перспективы исследований) // Салтово-маяцка археологічна культура: 110-років від початку вивчення на Харківщині. — Х., 2011.
4. *Плетнева С. А.* Очерки хазарской археологии. — М.; Иерусалим, 2000.
5. *Артамонов М. И.* Саркел и некоторые другие укрепления Северо-западной Хазарии // СА. — 1940. — Вып. VI.
6. *Ляпушкин И. И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. — 1958. — № 62.
7. *Плетнева С. А.* Средневековые поселения верховья Северского Донца // КСИИМК. — 1960. — Вып. 79.
8. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура // МИА. — 1967. — № 142.
9. *Афанасьев Г. Е.* Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона в VIII—X веках (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. — М., 1987. — Вып. 2.
10. *Афанасьев Г. Е.* Донские аланы: социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. — М., 1993.
11. *Свистун Г. Е.* Трансформація поглядів на соціальну та стратегічну роль лісостепових городищ салтово-маяцкої культури. Проблеми та можливі шляхи їх вирішення // Салтово-маяцка археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. — Х., 2011.
12. *Свистун Г. Е., Горбаненко С. А.* Споживчі аспекти соціально-економічних відносин на прикладі Чугуївського городища салтівського часу // Салтово-маяцка археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. — Х., 2011.
13. *Березовець Д. Я.* Про ім'я носіїв салтівської культури // Археологія. — 1970. — Т. XXIV.
14. *Березовець Д. Я.* Салтівська культура // Археологія Української РСР. — К., 1975. — Т. III.
15. *Березовець Д. Я., Пархоменко О. В.* Салтовская культура // Археология Украинской ССР. — К., 1986. — Т. III.
16. *Крыганов А. В.* Крупнейший город Хазарии // Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докладов. — Х., 1999.

17. *Крыганов А. В.* Верхнесалтовский и Нетайловский археологические памятники салтовской культуры — остатки древнего хазарского города // *Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время.* — Донецк, 2001. — Т. 2.
18. *Михеев В. К.* Салтовская культура населения Хазарского каганата // Ежегодная международная междисциплинарная конференция по иудаике. — Ч. 2. — Академическая серия. — М., 1999 — Вып. 4.
19. *Сухобоков О. В.* Тюркомовні народи в історії населення лівобережно-дніпровської лісостепової України (археологічний аспект) // *Хазарський альманах.* — К.; Х., 2004. — Т. 3.
20. *Горелик М. В.* Образ мужа-воина в Кабарии—Угрии—Руси // *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма).* — Самара, 2001. — Т. 1.
21. *Горелик М. В.* Три племени кавар и савирский всадник // *Хазары. Второй Международный colloquium. Тезисы.* — М., 2002.
22. *Плетнева С. А.* Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы) // *Хазарський альманах.* — Х., 2002. — Т. 1.
23. *Флёров В. С.* «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. — М., 2010.
24. *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. — М., 1989.
25. *Комар А. В.* Древние мадьяры Етелькеза: перспективы исследований // *Археологія і давня історія України.* — 2011. — Вип. 7.
26. *Николаенко А. Г.* Северо-Западная Хазария или Донская Русь: древности Приоскольской лесостепи в заметках краеведа. — Белгород, 1991.
27. *Галкина Е. С.* Тайны Русского каганата. — М., 2002.
28. *Кузьмин А. Г.* Начало Руси: Тайны рождения русского народа. — М., 2003.
29. *Аксенов В. С., Хоружая М. В.* К вопросу о количестве катакомбных могильников у с. Верхний Салтов // *Проблемы археологии Восточной Европы. К 85-летию Бориса Андреевича Шрамко.* — Х., 2008.
30. *Иченская О. В.* Особенности погребального обряда и датировка некоторых участков Салтовского могильника // *Материалы по хронологии археологических памятников Украины.* — К., 1982.
31. *Аксенов В. С.* Старосалтовский катакомбный могильник // *Vita antiqua.* — 1999. — № 2.
32. *Аксенов В. С.* Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // *Донская археология.* — 2001. — № 1–2.
33. *Аксёнов В. С.* Катакомба № 13 Верхне-Салтовского III могильника: к вопросу о начальной дате возникновения памятника // *Сборник памяти Натальи Владимировны Черниговой.* — Х., 2012.
34. *Аксёнов В. С.* Новые раннесалтовские погребальные комплексы Северо-Западной Хазарии // *Древности, 2010: Харьковский историко-археологический ежегодник.* — Х., 2010. — Вып. 9.
35. *Хоружая М. В., Аксенов В. С.* Катакомбные захоронения Верхне-Салтовского археологического комплекса (к вопросу освоения аланским населением верхнего Подонцовья) // *Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України: Матеріали II-ї Луганської міжнарод. історико-археологічної конф., присвяченої 85-річчю Луганського обласного краєзнавчого музею.* — Луганськ, 2005.
36. *Иченская О. В.* Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника // *Древности Среднего Поднепровья.* — К., 1981.
37. *Комар А. В.* Горизонт Столбище-Старокорсунская и некоторые проблемы возникновения салтовской культуры // *Fino-Ugrica.* — 2000. — № 1.

38. *Комар А. В.* Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археологическим данным // *Хазары / Евреи и славяне.* — Т. 16. — Иерусалим — М., 2005.
39. *Аксенов В. С.* К вопросу о характере контактов алано-болгар Подонцовья с населением Волго-Окского междуречья и Прикамья в хазарское время // *Сіверщина в контексті історії України. Матеріали шостої науково-практичної конференції.* — Суми, 2007.
40. *Аксенов В. С.* Личные украшения как показатель этнокультурных контактов салтовского населения бассейна Северского Донца (по материалам Нетайловского грунтового могильника) // *Проблемы истории и археологии Украины. Материалы VI Междунар. науч. конф., посвященной 150-летию со дня рождения академика В. П. Бузескула.* — Х., 2008.
41. *Аксенов В. С., Лаптев А. А.* К вопросу о славяно-салтовских контактах (на примере катакомбы № 93 могильника у с. Верхний Салтов) // *Древности, 2009: Харьковский историко-археологический ежегодник.* — Х., 2009.
42. *Аксенов В. С.* Крестовидные подвески и проблема распространения христианства среди населения салтовской культуры бассейна Северского Донца // *Хазарский альманах.* — М., 2003. — Т. 2.
43. *Аксенов В. С.* Семантика крестовидных подвесок из катакомбы № 85 Верхне-Салтовского могильника // *Человека в истории и культуре. Сборник в честь 70-летия лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора, доктора исторических наук, Владимира Никифоровича Станко.* — Одесса; Терновка, 2007.
44. *Аксёнов В. С.* Катакомба № 99 Верхне-Салтовского IV могильника (к вопросу распространения христианства среди салтовского населения Подонцовья) // *Сугдейский сборник.* — К.; Судак, 2010. — Вып. IV.
45. *Флёров В. С.* Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник) // *Материалы и проблемные исследования по древней и средневековой археологии Восточной Европы.* — Волгоград, 1993. — Вып. 1.
46. *Покровский А. М.* Верхне-Салтовский могильник // *Труды XII АС.* — 1905. — Т. 1.
47. *Аксёнов В. С.* Комплексы с конскими начальниками из Верхнесалтовского катакомбного могильника // *Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время.* — Донецк, 2005. — Т. 4.
48. *Афанасьев Г. Е.* Система социально-маркирующих предметов в мужских погребальных комплексах донских алан // *РА.* — 1993. — № 4.
49. *Аксёнов В. С.* Погребение с конским начальником № 482 Нетайловского грунтового могильника салтовской культуры // *Хазарский альманах.* — К.; Х., 2010–2011. — Т. 9.

Резюме

Хоружа М. В. Дослідження Верхньо-Салтівського археологічного комплексу: проблеми та перспективи

Робота присвячена розгляду поглядів радянських, українських та російських дослідників на роль та призначення Верхньо-Салтівського археологічного комплексу — пам'ятнику, котрий дав першу складову назві його культурі — салтово-маяцької. Дослідники вбачають у Верхньому Салтові: 1) феодальний замок, що виріс з первинного опорного пункту на кордоні Хазарії зі слов'янським населенням; 2) місто — племінний або військово-адміністративний центр Північно-Західної Хазарії; 3) звичайний контрольний пункт у місці переправи через Сіверський Донець; 4) статус пам'ятника може бути визначений лише після подальших досліджень, а поки що не

має доказів вбачати у ньому «місто» або «замок». Немає єдиної думки і відносно того, проти кого була спрямована низка добре укріплених салтівських городищ вздовж південного кордону лісостепу: 1) проти експансії слов'ян з півночі та північного заходу; 2) проти загрози, що походила з основної території Хазарського каганату, тобто зі сходу та південного сходу. До того ж з археологічною пам'яткою біля с. Верхній Салтів пов'язано ще кілька питань, які потребують нагального вирішення: 1) визначення часу виникнення салтівського городища; 2) етнічний склад населення, що мешкало під його стінами; 3) характер взаємовідносин між представниками катакомбного обряду поховання та населенням, що залишило Нетайлівський ґрунтовий могильник; 4) визначення часу, коли городище припинило своє існування та причин, що до цього призвели; 5) доля салтівського населення після того, як городище завершило своє існування. Для рішення всіх цих питань пропонується звернутися до аналізу нових матеріалів дослідження Верхньо-Салтівського катакомбного та Нетайлівського ґрунтового некрополів.

Ключові слова: Верхньо-Салтівське городище, салтово-маяцька культура, басейн Сіверського Дінця, алани, тюрко-болгари.

Summary

M. Khoryzha. The Investigation of the Archaeological Complex of Verkhniy Saltiv: the Problems And the Perspectives

The work deals with the investigation of the views of the Soviet, Ukrainian and Russian researchers on the role and the destination of the archaeological complex of Verkhniy Saltiv. It has given the first component to the name of the Saltivo-Mayatskaya culture. The researchers suppose that Verkhniy Saltiv was: 1) the feudal palace which developed from the initial base station at the border of Khazaria and the Slavic population; 2) the city which was the tribal or military administrative centre of the northwestern Khazaria; 3) an ordinary checking point at the place of the Severskiy Donets crossing; 4) the status of the site can be determined only after the further research, and now there is no ground to consider it to be a "city" or a "palace". There is no unanimous opinion about those against whom there was built a range of firmly reinforced Saltiv settlements along the southern border of the forest-steppe: 1) against the Slavic expansion from the North and the Northwest; 2) against the danger coming from the main territory of the Khazarian khaganate (from the east and the southeast). Besides there are some other questions concerning the archaeological site near Verkhniy Saltiv village which are to be solved immediately: 1) the determination of the time when the Saltiv settlement appeared; 2) the ethnic composition of the population dwelling there; 3) the relationship between the representatives of the catacomb burial rite and the population which left ground sepulchre in Netailovka; 4) the determination of the time when the settlement went out of existence and the reasons which lead to it; 5) the fortune of the Saltiv population after the settlement stopped existing.

To solve all these questions we advise to use the analysis of the new research materials of the Verkhniy Saltiv catacomb and Netailovka ground necropolis.

Key words: the Verkhniy Saltiv settlement, the Saltivo-Mayatskaya culture, the Severskiy Donets basin, the Alans, the Turkic Bulgarians.

